

Цзянье, Дворец Цзянькан

— Ваше Величество, старый маркиз Ши и младший молодой господин уже давно ожидают аудиенции.

— Впусти их.

Императорский дворец высился неприступной твердыней, глубокой и безмолвной, словно море. За величественным резным столом восседал правитель — средоточие верховной власти и абсолютного величия.

Хотя по крови нынешний император приходился старому маркизу Ши родным внуком, тот не смел выказывать ни малейшей фамильярности. Старик склонился в глубоком, исполненном почтения поклоне.

Император соизволил даровать им места и с мягкой улыбкой расспросил о красотах Восточного моря.

Такая непринужденная беседа бывала редкостью. Старый маркиз почувствовал, как напряжение мало-помалу отпускает его. Скосив глаза на сидевшего рядом Ши Яньму, он решил воспользоваться случаем и представить младшего внука Пэй Чжао.

Улыбчиво старик проговорил:

— Ваше Величество, мой старший внук удостоился вашей милости и ныне несёт службу в Страже Прислуживания Небесам. А это его младший брат, они почти сверстники.

Старшим внуком в семье Ши был Ши Яньчао — один из самых одарённых юношей в Страже Прислуживания Небесам. В столь юные годы он уже достиг ступени Постижения Сокровенного и со дня на день мог сделать шаг на ступень Проникновения в Мелочи.

Именно из-за этих заслуг семья Ши, вынужденная доселе вести себя тише воды ниже травы, вновь воспрянула духом. Заметив, что Пэй Чжао благоволит старшему брату, старый маркиз решил продвинуть и младшего.

Поймав многозначительный взгляд деда, Ши Яньму сразу всё понял.

Ещё перед тем как переступить порог дворца, старый маркиз намертво вбил ему в голову: сейчас главное — снискать расположение государя.

Услышав, что речь зашла о нём, Ши Яньму поспешно склонился и набрался дерзости вставить слово:

— Если Ваше Величество когда-нибудь пожелает отдохнуть от государственных забот, сообразовите посетить наши края у Восточного моря. Вся наша семья почтёт за величайшую честь принять вас и подготовит всё к вашему приезду.

— Восточное море?.. — негромко повторил император. В его задумчивом голосе невозможно было уловить ни гнева, ни милости.

Вдруг он обронил:

— Шесть лет я охранял рубежи в Ючжоу, но так и не выкроил времени взглянуть на те берега.

Ши Яньму не придавал этим словам значения, но у старого маркиза по спине пробрал леденящий холод. Он принялся торопливо подбирать слова, отчаянно пытаясь увести разговор в сторону.

В бытность наследным принцем нынешний император был сослан Верховным императором из столицы в далёкий Ючжоу. И хотя те края лежали не так далеко от Восточного моря, за долгие годы изгнания он ни разу не навестил родственников по материнской линии. За этим молчанием скрывались старые обиды, о которых вслух говорить не решались...

Однако Ши Яньму, не посвящённый в тайны прошлого, решил, что государь действительно проявил интерес.

Он самонадеянно улыбнулся:

— И то правда! Если Ваше Величество удостоит нас своим визитом, для всего Восточного моря это станет небывалым счастьем!

Едва юноша умолк, император небрежно заметил:

— Младший внук величает меня «Вашим Величеством»? А ведь прежде, как мне донесли, ты выбирал иные слова.

Эти слова показались Ши Яньму признаком благосклонности и родственной теплоты. Он возликовал, готовый тут же ухватиться за эту соломинку и разыграть карту семейных уз.

Слово «братец» уже готово было сорваться с его губ, когда он поднял глаза и натолкнулся на пристальный, леденящий взгляд государя, в котором сквозила едва заметная, зловещая усмешка.

Раздался резкий, сухой звон — фарфоровая пиала разлетелась вдребезги о каменные плиты, и горячие брызги чая веером разлетелись во все стороны.

Сидевший рядом старый маркиз уже стоял на коленях, распластавшись по полу!

Ши Яньму отреагировал с опозданием. В его груди заворочался глухой страх: он так и не понял, в чём провинился, но нутром почуял беду. Юноша поспешно рухнул ниц рядом с дедом. Не глядя, он опёрся ладонью о разбитый фарфор — острые края мгновенно рассекли кожу, и на плиты хлынула кровь.

Но он даже не посмел пикнуть.

Старый маркиз, покрывшись холодным потом, непрестанно бил челом:

— Пощадите, Ваше Величество! То были лишь глупые детские речи, в них нет злого умысла! Не велите казнить!

Сверху раздался ровный, бесстрастный голос:

— Вот как? На сей раз ты величаешь меня братцем. А в следующий раз как назовёшь? Говори же, не стесняйся, я с удовольствием послушаю.

Но откуда у Ши Яньму взялась бы теперь былая дерзость?

Государь всё знал! Ему донесли о том спесивом «младшем кузене», которым Ши Яньму обозвал его на постоялом дворе! И сейчас правитель выказывал ледяное, безмолвное презрение.

Лицо Ши Яньму сделалось серым, как зола. Если на постоялом дворе он упивался собственным величием, то здесь, в Зале Двух Начал, раздавленный непреклонной, тяжёлой аурой правителя, он дрожал мелкой дрожью, точно осиновый лист.

Он отчаянно пытался вымолвить хоть слово в своё оправдание, но челюсти его сводило судорогой, а в перехваченном горле застрял лишь жалкий хрип.

Бесстрастный голос императора прозвучал под высокими сводами зала:

— По пути в столицу ты выказал небывалую спесь... Почему бы тебе не повторить этот фокус здесь, перед моим тронном?

Клан Ши исстари считался великим семейством, безраздельно властвовавшим на Восточном море.

В прежнее царствование, в эпоху Жэньшоу, их могущество достигло пика: шутка ли, две дочери этого рода одна за другой восходили на трон в качестве императриц.

Первая супруга Верховного императора была старшей дочерью в семье Ши. Когда она носила под сердцем дитя, её младшая сестра, также глубоко беременная, умоляла её на коленях у дворцовых ступеней. В конце концов младшую ввели в княжеский терем, а после восшествия государя на престол даровали ей титул благородной супруги.

Первая императрица родила старшую дочь государя — принцессу Гаоян. А двумя месяцами позже благородная супруга разрешилась от бремени старшим сыном императора — будущим князем Ци, который впоследствии стал любимцем отца.

Ши Яньму трясся от страха. Наконец в его памяти всплыли эти позорные семейные тайны, и сердце юноши ухнуло в бездонную пропасть.

Он с ужасающей ясностью осознал, насколько безумен был его поступок на постоялом дворе. Одной той фразы хватало, чтобы навлечь на весь его род лютую казнь за государственную измену!

Когда во дворце вспыхнул мятеж и Пэй Чжао силой проложил себе путь к трону, он ни на йоту не опирался на поддержку клана Ши. В тот решающий час семейство Ши поставило всё на старшего сына благородной супруги — князя Ци! Того самого князя Ци, который проиграл в кровавой усобице и сгинул в изгнании.

И первая, и вторая императрицы были из рода Ши.

Но нынешним владыкой Поднебесной стал тот, кого собственный род когда-то предал и лишил всякой опоры.

Пэй Чжао, которого некогда с позором выслали из столицы.

Старый маркиз в отчаянии бился лбом о плиты, умываясь горькими слезами и вымаливая прощение. Ши Яньму пребывал в таком оцепенении, что даже не запомнил, как они покинули дворец.

Голос молодого государя звучал негромко, но в нём крылась сокрушительная, невидимая сила, заставлявшая трепетать, словно на краю бездонной пропасти.

Ши Яньму слишком хорошо помнил, чьей кровью Пэй Чжао окропил свой путь к власти.

Во время переворота сыновья Верховного императора от добродетельной супруги Дэ — князь Чэнь и князь Хань — были безжалостно приговорены к смерти! Ни один из братьев нового государя не остался в живых.

От этих мыслей юношу забила крупная дрожь.

Глядя на почерневшее от гнева лицо деда, он не смел даже дышать в его сторону.

Лишь оказавшись в стенах родной усадьбы, он сумел перевести дух.

Прижав руку к бешено колотящемуся сердцу, он почувствовал, что возвращается к жизни. Но стоило ему вспомнить свой позор в тронном зале, как в душу закралось недоумение: почему он так перепугался, что у него подкосились ноги?

Над воротами усадьбы красовалась багряная доска с золотым тиснением: «Поместье маркиза Дунхая». Два каменных льва у входа выглядели грозно и величественно — они веками стояли под ветрами и ливнями, охраняя покой рода едва ли не со времён основания Великой Юн.

Как ни крути, разве семейство Ши не оставалось материнским родом императора?

Ши Яньму воровато взглянул на деда и предпринял робкую попытку прощупать почву:

— И чего Его Величество так разгневался? Разве его покойная матушка не была дочерью нашего рода? — Заметив, что дед молчит, он осмелел: — Дедушка, ну нельзя же быть настолько неблагодарным и жестоким!

Старый маркиз медленно повернул к нему голову. На его лице проступила глубокая, мертвенная усталость:

— Яньму. Завтра же ты уезжаешь обратно на Восточное море.

Эти слова прозвучали как гром среди ясного неба. Юноша опешил и уставился на деда округлившимися от изумления глазами:

— Отослать меня? Но за что?! Разве я в чём-то неправ? Дедушка, почему ты так несправедлив ко мне? Неужели в твоих глазах существует только старший брат, а на меня тебе наплевать?

В этот момент в дверях показался изящный силуэт. К ним плавной, бесшумной походкой приближалась Ши Яньсюань. Юноша бросился к ней как к спасительнице:

— Сестрица! Пожалуйста, попроси за меня дедушку!

Ши Яньсюань была стройна и хрупка, на её прелестном лице играла кроткая полуулыбка, однако слова девы заставили брата похолодеть:

— Братец, послушайся дедушку. Возвращайся домой.

— Сестрица! — выдохнул Ши Яньму.

Он никак не ожидал услышать от неё подобное. Из всех домашних именно с сестрой они были не разлей вода, и вдруг она сама гонит его прочь!

Он в бессилии опустился на стул, круглыми глазами глядя на стоявшую перед ним девушку, словно видел её впервые в жизни.

Ши Яньсюань почтительно поклонилась деду, после чего вновь выпрямилась. В её ясных, похожих на осенние воды глазах читалась холодная решимость:

— Ты наговорил лишнего, и твоя дерзость уже дошла до ушей Его Величества. Тебе больше нельзя оставаться в столице.

— Но почему?! — вскричал юноша. — Сестрица, мы ведь вместе приехали в Цзянье! Почему тебе можно здесь оставаться, а мне нет?

Ши Яньсюань ответила ледяным тоном:

— Мы привезли тебя в столицу ради того, чтобы ты обрёл здесь положение и славу... а не для того, чтобы ты наживал нам смертельных врагов.

Ши Яньму лишь тупо таращился на неё, не находя слов.

— Иди и хорошенько поразмысли над своим поведением, — бесстрастно распорядилась дева. — Слуги, уведите молодого господина в его покои.

В усадьбе слуги беспрекословно повиновались молодой госпоже — её авторитет среди челяди был куда выше, чем у взбалмошного Ши Яньму. К тому же старый маркиз никак не вмешался, поэтому юношу без лишних разговоров взяли под локти и увели.

Когда шаги за дверью затихли, в просторной зале воцарилась тишина. Дед и внучка остались наедине.

Старый маркиз медленно перевёл на неё тяжёлый взгляд:

— Яньсюань. А я-то думал, ты станешь умолять за брата.

Ши Яньсюань слегка нахмурила тонкие брови:

— Дедушка, разве сердце моё не болит за брата? Но с его вздорным нравом в столице он долго

не протянет... К тому же государь теперь держит его на примете. Боюсь, останься Яньму здесь, он навлечёт на нас ещё большую беду.

— И что же ты предлагаешь? — прищурился старик.

Ши Яньсюань покорно опустила веки:

— Его Величество держит на нас обиду. Сейчас нам надобно затаиться, вести себя тише воды ниже травы и приложить все усилия, дабы вернуть его расположение. Ни в коем случае нельзя сердить государя снова. Благо, старший брат исправно несёт службу подле императора, так что государь не сможет окончательно отвернуться от нашего рода.

При упоминании Ши Яньчао на лице старого маркиза проступило мимолётное выражение гордости. То был его любимый, самый способный внук.

Какое великое счастье, что подле императора оказался именно Ши Яньчао. Даже без оглядки на знатное происхождение, юноша по праву считался лучшим среди молодых воинов Стражи.

Старик согласно кивнул.

В прекрасных глазах Ши Яньсюань промелькнул странный, лихорадочный блеск. Она проговорила ласково и вкрадчиво:

— Дедушка, я желаю остаться в столице, дабы помогать брату во всех его начинаниях.

Старый маркиз промолчал, не выразив ни одобрения, ни порицания. Лишь спустя долгое время он глухо спросил:

— И как же ты собираешься ему помогать, внучка?

Ши Яньсюань скромно склонила голову.

На ней было простое платье цвета чистой речной глади, а убранство дополняла лишь скромная нефритовая шпилька в виде цветка магнолии, поддерживавшая копну иссиня-чёрных волос. Лишённая кричащей роскоши, она сияла первозданной, нежной красотой, от которой невозможно было отвести взгляд.

Девы из рода Ши славились своей непревзойдённой красотой. С тех пор как много лет назад великий живописец уязвлённо вздохнул перед её портретом, слава о прелести юной девы долетела от берегов Восточного моря до самых столичных палат.

Старик пристально разглядывал её.

То была старшая из его незамужних внучек, дитя законной ветви рода.

Вот только...

Старый маркиз тяжело вздохнул:

— Обликом ты точь-в-точь пошла в свою старшую тётку. Но вот твой нрав... ты унаследовала у младшей.

Услышав это, Ши Яньсюань мгновенно переменялась в лице.

Краска схлынула с её щёк, и прелестное тело покачнулось, словно от сильного толчка. Осанка её, прежде безупречная и величественная, вдруг обмякла — казалось, дева лишилась последних сил и готова была упасть от малейшего дуновения ветра.

У старого маркиза в своё время подрастали две дочери — тётки Ши Яньсюань.

Старшая стала первой императрицей Верховного императора. Младшая же взошла на престол следом за ней. Но этот венец достался ей лишь тогда, когда её старшая сестра испустила последний вздох на смертном ложе...

А ныне Поднебесной правил законный сын первой императрицы — Пэй Чжао.

— Дедушка... — собрав остатки воли, прошептала Ши Яньсюань. — Зачем ты говоришь такие вещи?

Глаза старого маркиза казались мутными от старости, но взгляд его оставался острым как бритва. Он вперился в неё в упор:

— Ответь мне, внучка. Когда твой непутёвый брат затеял ссору на постоялом дворе по пути в столицу, где была ты?

Ши Яньсюань побелевшими губами выдавила:

— Дедушка, мне тогда нездоровилось... Я отдыхала в своих покоях.

— Снаружи поднялся такой шум, а ты не услышала ни звука?! — ледяным тоном оборвал её старик. — Твоего родного брата избили до полусмерти, когда он пытался защитить твою честь, а ты преспокойно сидела в стороне и делала вид, будто ничего не происходит?

Крупные капли пота выступили на лбу девушки.

Но старый маркиз оставался непреклонен. В этот миг его сердце уподобилось граниту — он не выказал ни капли жалости к побелевшей как полотно внучке и продолжил свою суровую речь.

— С чего бы Яньму ни с того ни с сего задирать наследного принца Нин? Неужто от безделья? Пусть он и глуп, но не настолько безрассуден, дабы без причины бросаться на столь знатную особу.

Ши Яньсюань заговорила прерывисто, сиюсь удержат ускользающее самообладание:

— Должно быть... Яньму просто возмутило поведение молодого господина Нина. Тот вёл себя неопишимо спесиво и расточительно — потратил целую шкатулку золотого жемчуга, дабы подкупить зрителя и отправить простое письмо домой со срочной почтой...

Выслушав её, старый маркиз издал короткий, презрительный смешок:

— И ты полагаешь, это действительно великий грех?

Подобными баснями можно потчевать разве что глупую чернь на улицах, но неужто ты надеялась обмануть меня?

Ши Яньсюань и сама понимала, насколько жалко и неубедительно звучит её ложь.

Пусть сейчас по всему Цзянь и трубят о немыслимой расточительности и спеси наследного принца Нин, но какой великий дом безгрешен в этом? Семейство Ши творило безумства и почище этого!

Подобное расточительство было обычным делом среди знати. Просто имя Нин Ли нарочно выставили на всеобщее обозрение, дабы очернить его репутацию.

— Яньсюань, неужто ты держишь меня за дурака? — вкрадчиво спросил старик.

— Дедушка... — Дева подняла на него полные отчаяния глаза. Губы её задрожали, но с них не слетело ни звука.

Разочарование в глазах старика становилось всё отчетливее.

Он заговорил ровным, безжалостным голосом:

— В отрочестве ты выпросила, дабы в нашу усадьбу пригласили У Яньчи, лучшего ученика

самого Бога Живописи. Тогда он долго разглядывал тебя и признал, что среди всех девиц Поднебесной ты превосходишь каждую.

— Однако в его взоре промелькнуло сожаление. Ты уловила эту тень, твоё тщеславие было уязвлено. Обладая чрезмерной гордыней, ты принялась допытываться, о чём же он скорбит. Живописец долго отпирался, но ты извела его расспросами, и он сдался. У Яньчжи признался, что некогда встретил дитя, чья красота в зрелые годы затмит само солнце, вот только дитя то уродилось мальчиком.

— Ну же? Разве я лгу?..

Ши Яньсюань закусила губу до крови, не в силах унять дрожь.

— Живописец сразу понял, что сболтнул лишнего, и наотрез отказался называть имя. Но ты... ты тайно подкупила слуг и хитростью выведала у него правду. Так ты узнала, что речь шла о наследном принце Нин, Нин Ли из Шачжоу.

— Твой брат подслушал этот разговор и затаил обиду ради тебя. Кто же знал, что судьба столкнёт их на тракте по пути в столицу? Яньму глуп и скор на расправу, но он искренне верил, что вступает в бой ради любимой сестры! Иначе с какой стати ему, никогда прежде не видевшему Нин Ли, затевать ссору со знатным наследником?!

—...

На лице старого маркиза отразилось такое глубокое презрение, что деве захотелось сквозь землю провалиться.

Прелестное лицо Ши Яньсюань исказилось от ужаса. Она по-прежнему оставалась первой красавицей Восточного моря, но в этот миг её хвалёное величие рассыпалось в прах.

— Я и подумать не мог, что ты затаишь эту глупую зависть на долгие годы. И уж тем паче не чаял, что, когда брат поплатится за твою прихоть, ты трусливо бросишь его на растерзание... Вы родная кровь! Я отправил вас вместе, дабы вы оберегали друг друга.

— И это твоя забота?

— Ступай к себе, Яньсюань, и хорошенько подумай над тем, кем ты стала.

— Эй, стража! — зычно крикнул старый маркиз. — Проводить барышню в Павильон Лазурной Ясности. Запереть двери и никого к ней не впускать, пока дурь из головы не выветрится!

— Молодой господин, молодой господин! Вести превеликие! Второго сына Ши с позором выслали обратно на Восточное море! — Сяо Цзи влетел в комнату подобно праздничной петарде, так и сияя от восторга. — Поговаривают, его третьего дня призвали во дворец, и Его Величество устроил ему знатную трёпку!

«Отослали на Восточное море?..» — Нин Ли от удивления даже бровь приподнял.

«Да ещё и сам император его покарал?»

Юноша решительно не поспевал за ходом событий. Он ведь пальцем о палец не ударил! Всё сидел и ждал, когда этот спесивый дурак явится к нему с новыми угрозами, а того уже связали и отправили восвояси?

— Неужто правда?

— Истинная правда! — закивал Сяо Цзи. — Повозка из поместья Ши выехала на рассвете! Небось уже за десяток ли от города отъехали.

Нин Ли покачал головой. Подобный оборот дела по-настоящему застал его врасплох.

В полдень с улицы донёсся стук копыт — то вернулся Пэй Чжао. Улыбчивый слуга тут же пригласил юного господина отобедать вместе, и Нин Ли с радостью согласился. Каково же было его удивление, когда Пэй Чжао сам завёл разговор о чете Ши.

Юноша лениво отправил в рот кусочек оранжево-красного рисового пирога и задумчиво протянул:

— Хм... А не хотят ли меня ненароком выставить живой мишенью?

Пэй Чжао на миг замер с пиалой в руке:

— С чего ты это взял?

— Так ведь во всех приличных книжках пишут! — со знанием дела заявил Нин Ли.

За время пребывания в столице он успел прочесть немало уличных романов. В одном из них как раз описывался схожий случай: хитрый правитель осыпал одного фаворита милостями, дабы отвлечь взоры завистников, в то время как свою настоящую любовь тайно отсылал в безопасное место.

Пэй Чжао сокрушённо вздохнул:

— Ну и вздор у тебя в голове... Меньше читай эти дешёвые бредни. Раз уж тебе так скучно, шёл бы лучше в Палату Почитания Литературы да поучился уму-разуму.

— Учиться?! — Нин Ли в ужасе округлил глаза. — Ты верно шутишь! Чтобы я добровольно сел за свитки? Да ни за что на свете!

Пэй Чжао негромко рассмеялся:

— Ты единственный наследник князя Нин, отец пылинки с тебя сдувает. Неужто ты думаешь, он позволил бы сделать из своего ненаглядного чада мишень для чужих стрел?

Нин Ли притих.

— Отец бы точно не позволил, — тихонько буркнул он.

Родитель берёт его пуше зеницы ока и желал ему лишь мира да покоя. Мысль о том, что отец подставит его под удар, казалась невыносимой.

— Твой отец безраздельно правит в Шачжоу, держа в узде весь Северо-Запад. Его могущества с лихвой хватает, дабы уберечь близких. И он намеренно являет всему свету свою безграничную любовь к тебе — дабы всякий глупец заранее ведал, сколь страшна будет кара князя Нин за любой кривой взгляд в твою сторону.

— К чему тогда эти нелепые выдумки из твоих книжонок?

Пэй Чжао мягко смотрел на юношу, и в его душе сама собой родилась простая истина:

«Тот, кто любит по-настоящему, ни за что не позволит дорогому человеку страдать. Даже самую малость».

Нин Ли слушал его, приоткрыв рот от удивления.

А затем он смущённо и нежно улыбнулся. В ясных глазах юноши сквозила такая детская, чистая привязанность, что у Пэй Чжао на мгновение перехватило дыхание.

— О чём ты задумался, Ниннин?

Юноша опустил ресницы и тихо проговорил:

— Отец прислал ответ на моё письмо. Я три месяца тащился до столицы, а он даже словом меня не упрекнул. Лишь расспрашивал, сильно ли я устал в дороге и хорошо ли мне спится в

Цзянье.

Пэй Чжао не выказал удивления. На его губах заиграла едва заметная улыбка.

Ещё бы.

Он не читал личного послания князя Нин к сыну, зато сегодня утром на его императорском столе лежал другой документ.

Официальное прошение князя Нин с покаянием.

В нём престарелый воитель брал всю вину за задержку наследника на себя, сокрушаясь о собственном неумении воспитывать детей, и покорно молил государя не гневаться на... его драгоценного Ниннин.

Отец готов был склонить голову перед троном, лишь бы уберечь покой своего дитя, и при этом ни единым словом не выдал своей тревоги перед сыном. Подобная родительская любовь не могла не вызывать глубокого уважения.

Нин Ли восторженно, выныривая из воспоминаний:

— Постой... Получается, Его Величество отослал того наглеца Ши ради того, чтобы задобрить моего отца?

Пэй Чжао лишь тихо рассмеялся в ответ.

Юноша смутился, поняв, что сморозил глупость.

После того как он узнал о восшествии на престол прежнего наследного принца, он усердно расспрашивал слуг о новом государе Поднебесной. И судя по всему, нынешний владыка ни капельки не походил на своего вздорного и слабоумного родителя.

— Синчжи... — вдруг окликнул его Нин Ли. — А ты ведь тоже из императорского рода, верно?

Пэй Чжао медленно поднял взгляд. В глубине его тёмных глаз вспыхнул и погас загадочный огонёк.

— Пожалуй, что так, — неторопливо кивнул он. — А что?

Нин Ли укрепился в своих догадках. Ведь Синчжи носил ту же фамилию Пэй, владел роскошной усадьбой на горе Таншань подле столицы... Наверняка кто-то из его предков

восседал на золотом троне.

Юноша подался вперёд и заговорщицки прошептал:

— Тогда ответь: тебе доводилось видеть государя лицом к лицу? Какой он из себя?

— А как думаешь ты, Ниннин? Какой он? — вопросом на вопрос ответил Пэй Чжао.

— Да откуда мне знать? — пожал плечами юноша. — Я его в глаза не видел. Все мои представления о нём — из театральных пьес да уличных книжонок. Так что тут я тебе не помощник.

Пэй Чжао медленно прокрутил в пальцах фарфоровую пиалу. В его груди смешались странное предвкушение и лёгкая, щемящая грусть.

Впрочем, глупо было ожидать от Нин Ли иного ответа.

Но тут юноша лукаво прищурился, и на его щеках вновь проступили прелестные ямочки:

— Зато я точно знаю одно: мой Синчжи — самый лучший человек на свете.

<http://bllate.org/book/20087/2001852>